

СИМВОЛИЗМ БОГОСЛУЖЕБНОГО ЦИКЛА НА РУСИ (О СМЫСЛЕ ЦЕРКОВНЫХ «ЧАСОВ» СУТОЧНОГО КРУГА)*

1. Службы по «Часам» в Византии и Руси

Что же собой представляет суточный богослужебный цикл в православном обряде? Он начинается с вечера – «Вечерни» и «Повечерия». В полночь служится «Полунощница». Утром совершается «Утренняя». Затем идут службы: «1-й Час», «3-й Час», «6-й Час», «9-й Час». В богослужебный цикл входит также «Литургия» (1. С. 142). Церковные службы делятся на каждодневные и особые некаждодневные: исполняющиеся по праздникам и во время Великого Поста.

На Русь церковнослужебный круг пришел из Византии. В монастырском каноне по Палестинскому Часослову было *семь* служб: 1. Вечерня, 2. Полунощница, 3. Утренняя, 4. 1-й Час, 5. 3-й Час, 6. 6-й Час, 7. 9-й Час. В Византии, наряду с различными монастырскими уставами, существовал канон, именовавшийся «Песенным последованием», где церковный цикл содержал *шесть* каждодневных служб: 1. Вечерня, 2. Полунощница, 3. Утренняя, 4. 3-й Час, 5. 6-й Час, 6. 9-й Час (2. С. 20). Песенное последование после вторжения в Константинополь франков в 1204 г. практически исчезло, уступив место монастырскому богослужению по Палестинскому Часослову (3. С. 383).

Ю.И. Рубан высказал предположение, что суточный богослужебный цикл на Руси изначально соответствовал Песенному последованию (3. С. 382-390). По М. Арранцу, Песенное последование – «это соборное богослужение, которое в главных церквях было исключительно великолепным, требовало многочисленного причта. Жизнеспособным оно было лишь в благоприятных условиях» (2. С. 20). Ю.И. Рубан в качестве аргумента в пользу своего мнения приводит летописное свидетельство Повести временных лет (ПВЛ). В нем в качестве причины выбора кн. Владимиром христианской веры указывается исключительная красота византийских церковных служб: «Приидохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идежа служить Богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумеемъ бо сказати; токмо то

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 01-03-00313.

вемы, яко онъде Богъ с человеки пребываетъ, и есть служба их паче всехъ странъ...» (4. С. 75). Такое богослужбное благолепие с ярко выраженным сакральным эстетизмом более соответствует Песенному последованию, чем монастырским службам, отличающимся определенной сдержанностью. Ю.И. Рубан отсутствие комментария о Песенном последовании у издателей ПВР объясняет тем, что они предполагали, «очевидно, привычное им богослужение», то есть монастырский канон.

Прямые данные, подтверждающие мнение Ю.И. Рубана о первоначальном введении на Руси в 988 г. Песенного последования, а не служб по монастырскому уставу, отсутствуют. Не вносит окончательной ясности в этот вопрос и уникальная находка археологами в 2000 г. церы с псалтырным текстом нач. XI в. на воске. Тем же почерком на деревянных бортиках церы процарапаны надписи, из которых следует, что тогда уже были известны в Новгороде службы по «Часам».

Запись очень важна, так как является древнейшим реально сохранившимся указанием на использование каждодневных служб на Руси. По мнению академиков РАН А.А. Зализняка и В.Л. Янина, упоминаемые в древней записи «Часы» – «церковная служба, совершаемая в определенные часы четыре раза в день» (5. С. 164). Четыре раза служба по «Часам» велась по монастырской традиции (1-й Час, 3-й Час, 6-й Час, 9-й Час), а по Песенному последованию – три раза (3-й Час, 6-й Час, 9-й Час). В анализируемой записи нет конкретных данных, по какой традиции служились «Часы».

Предполагая четырехразовую службу по «Часам», указанные ученые, по-видимому, априори исходили из уверенности (как и издатели ПВЛ) о ведении служб на Руси по монастырскому уставу, а не по Песенному последованию. В действительности, лишь во время правления Ярослава Мудрого (1019-1054) началась активная просветительная деятельность монашества (6. С. 137-138). Именно с этого периода, скорее всего, и мог распространиться на Руси монастырский тип церковного богослужения.

Ю.И. Рубан следующим образом представляет историю церковных служб на Руси после введения Песенного последования с принятием христианства в кон. X в.: «В середине XI в., с появлением монашества (св. Феодосий Печерский), вводится - сначала лишь для монастырей – Студийский устав, в XIV в. появляется Иерусалимский устав (Савваитский Типикон), который доминирует к XVI в., но обязательным для всех русских храмов становится лишь с 1682 г. (с 5-го издания этого Типикона в Москве). Все это время Песенное последование (очевидно, в своих отдельных элементах) сосуществует с монастырскими богослужбными традициями, быстро завоевывающими и приходские храмы, и исчезает лишь к середине XVII столетия» (3. С. 383, 384).

2. «Стражевое» время церковных служб в системе «косых» часов.

Требует к себе внимания наименование церковных служб «Часами». Оно воспринимается многими символически – в качестве некоего условного названия. Ю.И. Рубан так толкует это понятие: «Современное богослужение суточного круга – это т[ак] н[азываемые] Часы Палестинского Часослова (Орология), фиксирующего службу знаменитой лавры св. Саввы близ Иерусалима». И дополняет сказанное примечанием: «Часы» (wraî) – это богослужения суточного цикла, получившие свое родовое (!) название вследствие строгой смысловой и хронологической соотнесенности с определенными часами («стражами») суток. Основных Часов в Палестинском Часослове семь: 1. Вечерня, 2. Полунощница, 3. Утреня и (4-7) Часы I, III, VI, IX. Вечерня и Утреня – «Великие Часы», остальные – «Малые Часы» (3. С. 383, 385).

Ю.И. Рубан особое место отводит понятийному значению названия «Часы» в богослужебном цикле. Он считает, что «Часы» - родовое название, подчеркивая это курсивным выделением слова и восклицательным знаком, не оговаривая, правда, какое содержание приписывается указанному понятию. Можно думать, что речь идет о его логическом классификационном понимании: «Из двух классов тот, что содержит в себе другой, называется родом, а тот, что содержится – видом» (7. С. 82). В качестве родового признака Ю.И.Рубан берет понятие «стража». Так назывались периоды времени, равные четырем часам в Древнем Вавилоне и трем часам в Древнем Риме (8. С. 416).

Соотнесение стражевого деления суток с системой монастырского богослужения по «Часам» дает следующий результат. От «Утрани» до службы «1-й Час» проходит один «Час». От службы «1-й Час» до службы «3-й Час» - два «Часа». От службы «3-й Час» до службы «6-й Час» - три «Часа». От службы «6-й Час» до службы «9-й Час» – также три часа. Таким образом, в монастырском богослужении «проявляется» римская стража в три часа в виде «расстояния» между службами «3-й Час», «6-й Час» и «9-й Час».

Сильнее выражена «стражевость» в Песенном последовании. Здесь «расстояние» в три «Часа» представлено между службами «Утреня», «3-й Час», «6-й Час» и «9-й Час». Можно предположить, что то же «расстояние» в три «Часа» было между службами «9-й Час» и «Вечерня». Тогда счет в «Часах» велся до 12 ($9+3=12$).

Существовала ли реальная система счета времени часами, которая начиналась с рассвета и доводилась до 12-го часа, совпадающего с закатом? Такая система известна историкам. В ней отдельно световой день и отдельно ночь делились на 12 частей, называемых «часом». В зависимости от времени года и суток, географической широты день отличался по длительности от ночи. Поэтому эти часы были разными по величине. Такая система часов, по-видимому, возникнув в Древнем Вавилоне, использовалась в Египте, Греции, Риме и вообще в Европе вплоть до позднего

Средневековья (8. С. 106). Эти часы имеют разные наименования – по народам и территориям, где употреблялись (например, «иудейский час»). В историографии используется название «античный час»: «Античный час составлял 1/12 светлого и соответственно темного времени суток, всего 24 часа». «Античные часы» отмерялись специальными устройствами: солнечными часами, водяными часами, механическими часами и пр. (9. С. 636-637).

В Средневековых памятниках встречается название этих часов «косыми», то есть переменными. Два раза в год, в периоды весеннего и осеннего равноденствия, «косые» часы, независимо от широты и времени суток, практически были равны между собой. Поэтому привычные нам постоянные часы в 60 мин называются «равноденственными» часами. Многие даже не подозревают, что «косые» часы использовались людьми на протяжении многих столетий (сейчас они функционально употребляются в астрологии). Немудрено, что в условиях тотального применения равноденственных часов, именование церковных служб «Часами» перестали соотносить с «косыми» часами, даже если и были связаны с ними генетически.

Разделение служб на «Великие Часы» и «Малые Часы», очевидно, также обусловлено системой «косых» часов. В этом можно убедиться, соотнося названия служб с соответствующими «косыми» часами:

- Вечерня – 12-й дневной «косой» час,
- Полунощница – 6-й ночной «косой» час,
- Утренняя – 12-й ночной «косой» час,
- 3-й Час – 3-й дневной «косой» час,
- 6-й Час – 6-й дневной «косой» час,
- 9-й Час – 9-й дневной «косой» час.

Несложный анализ показывает, что наибольший, 12-й час, в системе «косых» часов соответствует только Вечерне и Утрени, которые традиционно называются «Великими Часами». Остальные службы соотносятся с меньшими часами (3, 6, 9); эти службы традиционно именуются «Малыми Часами». Отсюда можно сделать вывод, что название «Великие Часы» отражает соответствие служб Вечерня и Утренняя **наибольшим** по величине «косым» часам: 12-му ночному и 12-му дневному. Наименование «Малые Часы» отражает соответствие остальных четырех служб **меньшим** по величине «косым» часам: 3-му дневному, 6-м ночному и дневному, 9-му дневному.

Изучение структуры богослужебного цикла в контексте системы «косых» часов приводит к рабочей гипотезе: именование церковных служб «Часами», их подразделение на «Великие Часы» и «Малые Часы» обусловлено использованием не столько родового признака римских страж, сколько видового – «косой» час. «Часы» богослужебного круга (как род) это часы, выбранные по стражам – через две стражи для ночи и через одну для дня – из числа «косых» дневных и ночных часов (как видовой совокупности).

3. Анализ разметки циферблатов некоторых сохранившихся солнечных часов; «канонические часы».

Важным источником для изучения особенностей счета времени в различные исторические периоды являются сохранившиеся часомерные инструменты. Лучше понять природу суточного богослужебного цикла позволяет изучение разметки на циферблатах солнечных часов:

Один из образцов древнейших солнечных часов датируется XIII в. до РХ. Часы использовались 33 века тому назад в Древнем Египте при фараоне Менефте (1258-1239 г. до РХ) (рис. 1). Циферблат часов содержит 13 расходящихся полукругом линий от отверстия, в котором находился гномон. По тени, отбрасываемой гномоном на циферблат, определялся текущий час. Часовые линии разделяют циферблат на 12 секторов. С наступлением рассвета тень от гномона попадала в 1-й сектор, и когда она доходила до второй линии то наступал 1-й «косой» час. И так по всем секторам. Попав вечером в 12-й сектор, тень отмечала наступление последнего 12-го «косого» часа дня. Когда тень достигала последней 13-й линии, 12-й дневной час заканчивался и наступала ночь. Историки оценивают не очень высоко возможности солнечных часов с рассмотренной разметкой циферблата: «По древнеегипетским солнечным часам такого типа более или менее правильно определяли часы лишь во время весеннего и осеннего равноденствия; в остальное время они показывали часы дня весьма приблизительно...» (10. С. 21).

Древнегреческие часы с полусферическим циферблатом (хранятся в Британском музее) (рис. 2). Имеют частично сохранившуюся нумерацию часовых линий, соответствующую 12 «косым» часам дня. Это свидетельствует о том, что солнечные часы предназначались для часомерной практики.

Древнеримские часы на стене башни, датируемые I в. до РХ. Расположение часовых линий традиционное: в виде расходящихся книзу лучей. Отличительная особенность разметки циферблата – сохранившиеся крестообразные перечеркивания линий 6-го и 9-го «косого» часа. Это, по видимому, свидетельствует об отметке на циферблате страж в три «косых» часа. Позже появились цифровые обозначения часовых линий от 1 до 4 (римскими цифрами) в порядке счета «косых» часов. Когда знаменитый римский архитектор и ученый Витрувий описывал эти часы, он не упомянул об этих цифрах (11). Очевидно, их еще не было во 2-й пол. I в. до РХ. Маркировка часовых линий свидетельствует о том, что счет дневного времени тогда велся по стражам и/или в системе «косых» часов.

Английские солнечные часы VII в. от РХ церкви Бишонстона (рис. 4). Разметка циферблата соответствует рассмотренному выше древнеегипетскому случаю (рис. 1). Здесь также 13 часовых линий делая циферблат на 12 секторов, соответствующих 12 «косым» часам. Отличием является использование крестов на концах пяти более длинных часовых линий, соответствующих стражам по трем «косым» часам.

Эта особенность разметки сближает Бишонстонский циферблат с рассмотренным древнеримским (рис. 3).

Английские солнечные часы 1060 г. Киркдельской церкви (рис. 5). Их циферблат, также как у часов Бишонстонской церкви (рис. 4), содержит крестовидные перечеркивания на концах пяти удлиненных линий разметки, соответствующих стражам. Существенным отличием является отсутствие делений для «косых» часов. Кроме «стражевых» циферблатных линий имеются также промежуточные деления, как бы соответствующие «полустражам». Известный специалист по истории часов В.Н. Пипуныров так характеризует стражевую разметку на этих часах: «На пластине нанесено несколько часовых линий: горизонтальная – для восхода и захода Солнца, вертикальная - для полдня и две промежуточные (приблизительно под углом в 45 градусов). В точке пересечения часовых линий имеется отверстие, в которое вставлялся гномон, но ни одного такого гномона до нас не дошло; в некоторых отверстиях сохранились лишь обломки железа. Предполагается, что стержень выступал горизонтально и от него отбрасывалась тень на стену. Горизонтальный стержень показывал восход, полдень и заход Солнца правильно. Однако остальные часовые линии под углом в 45 градусов не давали равномерного деления дня на равные части, так как утренние и вечерние периоды были длиннее, чем примыкающие к полудню, в зависимости от времени года. В то время не стремились к более точному определению времени, требовалось лишь ориентировочное разделение дня на части» (10. С. 71).

Рассмотренные примеры разметки циферблатов солнечных часов свидетельствуют об определенных тенденциях в часомерии. С древнеегипетского периода циферблаты размечались часовыми линиями в соответствии с ходом «косых» часов, от 1 до 12. Позднее появилась числовая нумерация линий для облегчения счета текущих «косых» часов. В римский период возникла дополнительная разметка циферблата на стражи по три «косых» часа. В средневековое время в европейских солнечных часах римская стражевая разметка сохранялась. Однако самым удивительным и неожиданным является утрата делений для «косых» часов. Так, по циферблату Каркдельской церкви 1060 г. невозможно определить, какой идет «косой» час. По мнению историков, отчетливо выраженному В.Н. Пипуныровым, эта тенденция была обусловлена уровнем потребностей в счете времени в средневековой Европе, требующим лишь ориентировочного разделения дня на части. Есть ли источники, подтверждающие это мнение?

Таким источником можно рассматривать названия «канонических часов», используемые в латиноязычной средневековой духовной культуре. По характеристике В.Н. Пипунырова, «названия канонических часов, бывших в употреблении в церковном обиходе в средние века;...обозначали: *matutina* – ранние утренние часы, *tertia* – часы до полдня, *sexta* – полдень, середина дня, *popa* – середина послеобеденного времени, *vesper* – вечер» (10. С. 71).

Указанные средневековые трактовки «канонических часов» (в изложении В.Н. Пипунырова) являются более приближительными, чем византийские названия церковных служб типа Песенного последования.

Matutina – «ранние утренние часы». В Песенном последовании служба – «Час», известная как «Утренняя», причисляемая к «Великим Часам», то есть соответствующая наибольшему 12-му («великому») ночному «косому» часу или рассвету. То есть отвечающая как бы «нулевому» дневному «косому» часу, но никак не «ранним утренним часам», каковыми могли быть и 1-й, и 2-й «косые» часы. Поэтому средневековое объяснение рассматриваемого «канонического часа» представляется приближительным. Более правильная трактовка: *matutina* – раннее утро.

Tertia – «часы до полдня». В такой трактовке *tertia*, отвечая любому из 1-5 «косых» часов, не выражает связь со службой Песенного последования «3-й Час» и соответственно с 3-м «косым» часом, хотя латинское название (буквально – «третий») сохраняет именно этот смысл. Следовательно, средневековое объяснение рассматриваемого «канонического часа» приближительно. Более правильная трактовка: *tertia* – середина времени до полдня.

Sexta – «полдень, середина дня». Заложенное в латинском названии значение – «шестой» («косой» час) – точно соответствует природно-хронологическому смыслу полудня и службе «6-й Час» Песенного последования.

Nona – «середина послеобеденного времени». Довольно точная характеристика 9-го «косого» часа (каковой смысл заложен в латинском названии, буквально – «девятый»). Соответствует службе «9-й Час» Песенного последования.

Vesper – «вечер». Не совсем точно, но приемлемо в счете «косыми» часами. Соответствует службе «Вечерня» Песенного последования.

«Канонические часы», как наследие Древнего Рима в западноевропейской церковной культуре, в принципе, соответствуют дневным службам – «Часам» Песенного последования: *matutina* – «Утрени», *tertia* – «3-му Часу», *sexta* – «6-му Часу», *nona* – «9-му Часу», *vesper* – «Вечерне». Однако латинские названия не содержат явно слова «час», в отличие от наименований каждодневных служб византийско-русского церковного круга. При условии обращения к солнечным часам в церковной жизни Западной Европы понятна такая структура названий «канонических часов». Как выяснилось, разметка западноевропейских солнечных часов эволюционировала в сторону утраты связи с «косыми» часами. Поэтому обращение к соответствующим циферблатам не способствовало сохранению памяти о «косых» часах. Это вело к закреплению неточных (по отношению к системе «косых» часов) толкований «канонических часов». Получилась парадоксальная ситуация. Большее использование в церковной жизни Западной Европы солнечных часов (чем на Руси) превратилось в фактор, усиливший удаление западного церковного обихода от точного соответствия «косым» часам. Наоборот, византийско-русская богослужебная практика, в которой

солнечные часы играли незначительную роль, сохранила в названиях богослужебного цикла большее соответствие «косым» часам. Возникает проблема независимых от церковной культуры источников, которые подтвердили бы или опровергли указанное заключение. Таковыми могут рассматриваться средневековые прогностические тексты.

4. Хронологическо-суточные ориентиры сокровенных текстов

Изучение использующихся на Руси латинского и славяно-русских (в переводе) сокровенных произведений дало следующий результат. В свете этого результата, дополнительное освещение получают данные о «косых» часах в латинском молитвеннике Гертруды. Она была дочерью польского князя Мешко II и немецкой принцессы Риксы. Гертруда в 40-х гг. XI в. вышла замуж за великого князя Киевского Изяслава Ярославича. В ее молитвеннике после личных молитв помещен прогностический текст по дням лунного месяца, где в четверти случаев указывается «косой» час. Причем из семи часов – четыре «привязаны» к «страхам»: 6-му и 9-му часам (по два раза). Еще один показатель – «с утра» – может также свидетельствовать (но неявно) о «стражевом» ориентире. Два указания часов не связано со «стражами»: «с часа 7-го» и «позже 8-го часа» (12. С. 246).

Определить наступление 6-го и 9-го часов Гертруда могла по дневным церковным службам «6-й Час», «9-й Час». Указание «с утра» также могло быть приурочено к службе – «Утренняя». Однако для установления 7-го и 8-го часов надо было прибегнуть к солнечным или водяным часам. Либо воспользоваться неким иным часомерным устройством.

В прогностике XV в. «Сказание известно лунным годом: когда сеати и садити и врачевати человека» предвещательные рекомендации по дням лунного календаря даются с указанием часов и др. хронологических примет (13). Произведение неоднократно публиковалось (14). Начинается оно так: «Наставшаго месяца небесного в 1 день до 9-го часа сеати и садити и кровь пуцати, и власы стрици». Похожее начало имеет статья в сборнике, который А.И. Соболевский называет «1-й сборник астрологических статей». Здесь прогностик имеет наименование «О днях лунных» и начинается аналогичным образом: «В 1-й день луны до 9-го часа сеяти и садити и волосов урезати». Других данных о содержании текста А.И. Соболевский не приводит (15).

«Сказание известно» ранее не изучалось в качестве источника о подразделении дневного времени на части. Соответствующие временные данные в нем таковы: до 9-го часа (1-й лунный день), о полудни (2-й л. день), о полудни (3-й л. день), порану, от 6-го часа (4-й л. день), порану (5-й л. день), порану (6-й л. день), о полудни (8-й л. день), третьего часа (9-й л. день), вечере (25-й л. день), вечере (28-й л. день), порану (29-й л. день). Временные показатели соответствуют пяти группам: 1) «порану» (встречается четырежды), 2) «третьяго часа» (встречается один раз), 3) «о полудни» (встречается трижды), «от 6-го часа» (встречается один раз), 4) «до 9-го часа» (встречается один раз), 5) «вечере» (встречается дважды).

Указанные 12 временных показателей (из пяти групп) в «Сказании известном» согласуются с циклом церковных служб Песенного последования (без Полунощницы). В прогностике нет упоминания о промежуточных «косях» часах, а встречаются только те, которые соответствуют дневным службам-«Часам».

Еще один вариант прогностика по дням лунного месяца известен в древнерусском списке XVI в. (16). Он опубликован полностью Н.С. Тихонравовым (17. С. 388-395) и частично (прогноз на 1-12 лунных дней) В.В. Колесовым (18. С. 274-276, 263-264). Оригинальное название этого прогностика «О днях лунных». Текст имеет более пространное содержание по сравнению с прогностиком Гертруды. Их роднит наличие сведений о сбываемости (несбываемости) сновидений. Отличает «народный» текст от княжеского – обилие предвещательных рекомендаций по флеботомии, сельскому хозяйству и др. видам трудовой деятельности, гигиене, питанию.

Особенностью прогностика «О днях лунных» является включение эзотерического содержания в библейский контекст. Каждый лунный день начинается с библейского персонажа, к которому приурочивается прогноз. Так, первый день связывается с сотворением Адама, второй – Евы, третий – с рождением Каина и т.д. Качества и значение библейского персонажа переносятся (связываются) с сокровенным значением данного лунного дня. Сотворение Адама и Евы, как положительные события, определяют благоприятный характер соответствующих дней. Первый день (Адама) «на все строен», во второй день (Евы) «все строит добро». Наоборот, третий (Каинов) день «зол и лют велми». Причем он таким является именно благодаря Каину: «осуженого ради Каина от всего блютися».

Рассматриваемый тип прогностика, вероятно, попал в Россию из Сербии, где был переведен, как о том свидетельствует лингвистический вывод В.В. Колесова: «в тексте много сербизмов, в том числе лексических» (18. С. 268).

Лунные дни, которые в прогностике Гертруды содержали отрицательные предвещения, в рассматриваемом прогностике могли иметь положительные предсказания. Например, 6-й день в молитвеннике Гертруды был неблагоприятным, а в тексте «О днях лунных» он благоприятен: «В 6 день ро(ди)ся Сиф то(т) днь добр». Очевидно, последний прогностик составлен в другой традиции, чем текст Гертруды. Однако «привязка» к часам у них однотипная.

Сведений о часах в тексте «О днях лунных» больше, чем в рассмотренных двух прогностиках. При этом в прогнозе для одного дня нередко содержится несколько временных показателей. Указанная особенность может свидетельствовать о соединении в одном дне информации из нескольких источников. Соответствующие данные таковы: от вечера, 1 или 2 ча(с), 7 ча(с), от вечера, полудни (2-й лунный день); 5, 6, 7 ча(с) (3-й л. день); полудни, утра, полудне, до 6 ча(с), 2 ча(с) (4-й л. день); рано, завтра, 3 ча(с) (5-й л. день); 6 ча(с) (6-й л. день); от полудни, 6 ча(с) (8-й л. день); от 6 ча(с), в полъдни (9-й л. день); завтра час (11-й л. день); в вечере, до кур

(12-й л. день); 8-й час (13-й л. день); завтра час (16-й л. день); рано (18-й л. день); в по(л)дни час (19-й л. день); вечере (20-й л. день); рано (24-й л. день); рано, ча(с) 3 (25-й л. день); вечере (27-й л. день); вечере, с вечера час (28-й л. день); утре, завтра час (29-й л. день).

Время в прогностике «О лунных днях» 10 раз «привязано» к рассвету: рано (4 раза), утре, утра, завтра (4 раза). Также 10 раз здесь время приурочено к полудню: в полъдни, в по(л)дни, от полудни, полудни, полудне, 6 ча(с) (3 раза), до 6 ча(с), от 6 ча(с). С вечером время связано 6 раз: от ве(ч)ера, в вечере, вечере (3 раза), с ве(ч)ера. Дважды в тексте фигурирует третий час. Встречается народный отсчет времени «до кур» – первого предрассветного петушиного крика. По одному разу дается отсылка к конкретному часу (кроме 3 –го часа – два раза и 6-го часа – пять раз): 2-му, 5-му, 7-му, 8-му дневным часам и, возможно, к 7-му ночному часу. Однако по поводу последнего случая есть сомнения. Фрагмент, входящий во 2-й лунный день, в памятнике записан так: «а сонъ збудется. по .г. дНе(x). или лежа въ а ча(с). зле, а .в. з. от вечера блюстися». В.В. Колесов его воспроизводит следующим образом: «а сон збудется по 3 днеш или лежа в 1 час – зле, а 2 – 6 от вечера блюстися», и перевод дает такой: «сон же – сбудется через три дня; первый час зол, а в седьмой от вечера – всего остерегаться» (18. С. 263, 275). Переводчик исходит из предпосылки, что текст поврежден, реконструируя его (без предупреждения читателя). Так, букву «а» перед словом «ча(с)» он толкует как цифру 1, хотя над нею нет титла и точек по бокам. Наоборот, цифру .в.(2) рассматривает как предлог «в», хотя над знаком стоит титло и имеются точки по бокам.

Реконструкция, по-видимому, обусловлена тем, что при «прямом» чтении фрагмент теряет смысл. Из этого можно сделать вывод, что первоначальный текст был испорчен при переводе или переписке. Поэтому нельзя быть уверенным, что в оригинале действительно речь шла о 7-м ночном часе. Другие случаи использования в памятнике ночных часов отсутствуют. Поэтому будет правильнее не делать по одному этому сомнительному случаю вывода об использовании при составлении прогностика ночных часов. Сделанный вывод подтверждается применением в тексте народного способа счета времени «до кур», вместо указания соответствующего ночного часа.

При составлении прогностика для деления суток, главным образом использовали природные факторы: рассвет, полдень, закат. Кроме того применялись «косые» часы: 2-й, 3-й (два раза), 5-й, 6-й (пять случаев), 7-й и 8-й. Бросается в глаза неравномерность распределения часов. Так, чаще всего встречается указание на 6-й (5 раз) и 3-й (2 раза) часы, тогда как к остальным читатель отсылается по одному разу. Не исключено, что в этом сказывается влияние дневного цикла церковных служб типа Песенного последования. Возможно, о нем же говорят применяемые в прогностике названия рассветного (утре, утра) и закатного (вечере, в вечере) времени, сопоставимые с наименованиями соответствующих церковных служб Утренняя и Вечерняя.

Сравнение трех прогностиков показывает, что текст «Сказания известно» более всего ориентирован на церковные службы, причем по версии Песенного последования. Выявленным в источнике пяти группам временных показателей соответствуют пять служб Песенного последования:

- 1) «порану» (встречается четырежды) отвечает службе «Утренняя»,
- 2) «третьяго часа» соответствует службе «3-й Час»,
- 3) «о полудни» (встречается трижды), «от 6-го часа» согласуется со службой «6-й Час»,
- 4) «до 9-го часа» соотносится со службой «9-й Час»,
- 5) «вечере» (встречается дважды) сопоставимо со службой «Вечерня».

Пять служб из шести совместимы с пятью группами временных показателей источника. Причем среди всех 12 показателей нет таких, которые не укладывались бы в структуру цикла служб Песенного последования (за исключением ночной службы «Полунощница»).

Распределение «косых» часов в прогностиках

Прогностики	Стражевое	Промежуточное	Ночное
Гертруды XI в.	5	2	Нет
«Сказание известно» XV в.	12	Нет	Нет
«О днях лунных» XVI в.	28	4	1 (?)

Отсылки в прогностиках к ночным «косым» часам практически нет. Указание на 7-й ночной час в тексте «О днях лунных» вызывает сомнения, так как по-видимому, дается в испорченном изложении. Вместе с тем, 7-й ночной час в системе «косых» часов идет сразу после Полунощницы. Поэтому указанный случай является единственным в рассмотренных прогностиках, часовые характеристики которого могли в достаточной степени соответствовать круглосуточному циклу служб типа Песенного последования.

Дневные часы в прогностиках преимущественно соотносятся с ориентирами римских страж. В двух рассмотренных произведениях, где есть отсылки к промежуточным «косым» часам, они встречаются 6 раз из 39 указаний, то есть лишь в около 15 % случаев. Это говорит о том, что авторы ориентировались на градации времени по «каноническим часам» или церковным службам типа Песенного последования. В независимой от церковного обихода часомерной практике они, по-видимому, рассчитывали время редко.

Прогностик «Сказание известно» был ориентирован на солнечные часы, циферблат которых содержал стражевые деления, без разметки для промежуточных «косых» часов. Таковыми являются, например, солнечные часы 1060 г. Киркдельской церкви (Англия) По таким часам можно было определить «канонические часы», а промежуточные «косые» – нельзя (рис. 5). Если авторы прогностиков ориентировались на разметку страж, подобную циферблату Киркдельской церкви, то они не смогли бы по ним определить текущие «косые» часы.

Изучение хронологических примет в прогностиках позволяет предположить, что люди в Древности и Средние века в своей каждодневной деятельности опирались на способы счета времени, использующиеся главным образом в церковном обиходе, а также непосредственно на наступление церковных служб по типу Песенного последования или «каноническим часам».

В условиях дефицита в часомерной технике на Руси, сохранение функционального назначения прогностиков, возможно, обеспечивало обращение ко времени отправления церковных служб по типу Песенного последования. Этому могло способствовать существовавшее однозначное соответствие между такими хронологическими ориентирами сокровенных текстов, как 3-й час, 6-й час, 9-й час, и названиями служб «3-й Час», «6-й Час», «9-й Час». В то же время, «канонические часы» утратили в своих латинских названиях слово «час». Поэтому часовые характеристики прогностиков не находили аналогий в западной традиции «канонических часов». Следовательно, прогностики действительно можно рассматривать независимыми источниками, подтверждающими мнение о том, что византийско-русская каждодневная богослужебная практика сохранила большую связь с системой «косых» часов, чем латинские названия «канонических часов».

В связи с установленной возможностью использования в прогностиках времени богослужений, возникает вопрос о якобы принципиальной несовместимости церковных и эзотерических представлений. Церковь боролась с сокровенными верованиями, иногда очень жестоко. Известен документальный факт сурового наказания некоего дьячка Семейки Григорьева за то, что он «держит у себя книги недобрые, ересные». Найденные у него «тетради гадалные» сожгли, а его самого заключили на черные работы в монастырь в ножных кандалах на год, с лишением церковного причастия. Грамота, в которой рассказывалось об этом, исходила от патриарха Филарета (отца царя Михаила Федоровича Романова) и датировалась 1628 г. (19. С. 261-262).

В XI-XVI вв., возможно, отношение к сокровенным, гадательным текстам в христианском мире со стороны церкви было более мягким, чем в России XVII в. при патриархе Филарете. Об этом, например, свидетельствует включение (сделанное, вероятно, на территории Македонии) примерно в XII-XIII вв. в глаголическое Ассеманиево евангелие XI в. кириллических приписок с указанием в каждом месяце (кроме двух) по два «злых» дня. Среди ученых XIX - начала XX вв. этот факт встретил большое недоумение. Казалось невероятным, что в главном христианском богослужебном произведении - евангелии – содержались сведения эзотерического характера.

Видный русский славист акад. М.Н. Сперанский некогда посвятил этому вопросу специальное исследование, в котором изложил следующее объяснение: «...Вера во всякие предсказания, гадания наравне с астрологией наполняет собой обильную литературу вплоть до литературы высших по образованию классов не только в Византии, но и запада даже и в эпоху Возрождения» (20. С. 52).

5. Службы-«Часы» и проблема использования «косых» часов на Руси

Возникает вопрос: осознавалась ли на Руси стражевая структура богослужебного цикла по «косым» часам или именование служб «Часами» воспринималось символически, почти как теперь? Окончательный ответ на этот вопрос до последнего времени отсутствовал, поскольку использование на Руси «косых» часов не считалось окончательно решенным. Сделанные недавно открытия значительно приблизили решение вопроса, хотя и не привели к окончательному выводу. Своего рода сенсацию принесло компьютерное, по астрономическим программам RedSchiff-3 и Astronomy Lab, изучение оставшегося втуне сообщения поздней Густынской летописи XVII в. о времени солнечного затмения 29 июня 1033 г. В результате было установлено, что в летописной записи, сделанной в западной оконечности Руси, время затмения выражено «косыми» часами, причем с исключительной точностью. Значит, спор о применении на Руси «косых» часов фактически окончен: не позже 1033 г. такая традиция, очевидно, здесь уже существовала (21. С. 242-245).

Остается неясным, с помощью какого прибора считали «косыми» часами: ими могли быть солнечные, водяные часы, а также некие иные приспособления или способы. Недавняя расшифровка оставшегося непонятым текста, возможно, восходящего к XV в., содержащегося среди подсобных материалов Великих Миней Четых митрополита Макария (сер. XVI в.), открыла неведомый ранее средневековый способ счета «косыми» часами. Он состоял в измерении тени стоящего человека его же ступнями. По числу ступней, используя вспомогательные таблицы, могли определять идущий «косой» час. Этот метод по существу является антропоморфной модификацией солнечных часов. Хронометрический народный способ измерения тени ступнями сохранялся в народном быту русских еще в XX в. (22).

В контексте известных свидетельств о счете времени на Руси можно констатировать, что установление в Москве в 1404 г. башенных часов Лазарем Сербином основывалось на длительной истории использования «косых» часов. И в этом длительном процессе важное место занимает подразделение каждодневного богослужебного цикла, принятого в русских храмах, по стражам «косых» часов.

Таким образом, название каждодневных церковных служб «Часами», очевидно, было обусловлено использованием в Древности и Средние века системы «косых» часов, упорядоченной по римским стражам (длительностью в три «косых» часа). Отчетливо указанная структура представлена в Песенном последовании. В монастырской служебной практике первая дневная стража (от Утрени до 3-го Часа) рассечена службой «1-й Час» на две части. Это нарушает стройность симметрии стражевого построения монастырского круга служб. Вторичность службы «1-й Час» как будто бы свидетельствует о большей древности структуры служб Песенного последования перед монастырской традицией.

6. Выводы.

1. Уточняется и конкретизируется гипотеза о «родовом» происхождении служб-«Часов» по «стражам», на которые подразделяется суточный (24-часовой) богослужебный цикл. По-видимому, уже в Древнем Вавилоне сложилась система «косых» (переменных) часов, которая была воспринята античным миром. В этой системе «часом» называлась 1/12 часть светового дня и отдельно 1/12 часть ночи, вместе 24 часа в сутках. Только в периоды весеннего и осеннего равноденствий «косые» часы становились равными между собой (60 мин). Такой час назывался «равноденственным», широко используемым в современном мире.

Итак, «час», родовым признаком которого является 1/24 часть суток, имеет две разновидности: «косой» (переменный) час и «равноденственный» (постоянный) час. Эти два вида счета суточного времени человечество использовало для своих нужд. Можно придумать или допустить существование неких искусственных видов часа, как результатов деления суток по каким-то правилам на 24 части. Если бы церковные службы-«Часы» в действительности относились к родовому понятию «час», то у них 24-ричный признак не нарушался «привязкой» к привходящим факторам, например, природно-астрономического характера. Между тем, богослужебный цикл такую «привязку» содержит: наиболее яркое проявление – приурочение служб Вечерня и Утрена к вечеру и утру. В силу изложенного, структура «Часов», якобы отвечающая «родовому» принципу по «стражам», приобретает «статус» нереального, символического признака.

2. Разновидностью понятия «час», отразившейся в богослужебном цикле по «Часам», является «косой» час. Это вытекает из следующих фактов:

а) наличия в византийском суточном церковном круге служб, наименования которых соответствуют последовательности «косых» часов, отсчитываемых с рассвета: 3-й Час, 6-й Час, 9-й Час (Песенное последование), 1-й Час, 3-й Час, 6-й Час, 9-й Час (службы по монастырскому канону);

б) существования аналогичных наименований в латиноязычном христианском богослужении («канонических часах»): *tertia* (третий), *sexta* (шестой), *nona* (девятый). При этом отсутствие в наименованиях упоминания «часа» может объясняться использованием в западной церковной практике соответствующих циферблатов солнечных часов, которые нередко были необходимой деталью храмовой архитектуры. Совпадение структуры греко-византийских и латинских наименований служб, по-видимому, обусловлено тем, что суточный богослужебный цикл сформировался тогда, когда христианская кафолическая церковь была единой, до разделения в 1052 г. на восточную (греко-православную) и западную (римско-католическую);

в) восприятия Византией и странами Западной Европы вместе с элементами культуры античности системы измерения «косых» часов. Причем

«косые» часы днем измерялись преимущественно с помощью прибора – солнечных часов, а ночью – на основе водяных и др. часов и астрономических наблюдений. Худшие возможности для ночного счета времени отразилась в наличии только одной ночной службы в богослужебном круге типа Песенного последования – Полунощницы. Очевидно, церковный цикл каждодневных служб являлся результатом сакрального осмысления реальной практики счета времени в античности;

г) отстояния служб друг от друга в дневной части церковного цикла (для византийско-греческой и латинской традиций) на «стражевое» «расстояние» в три «косых» часа. Это указывает на римский период, когда начала формироваться христианская богослужебная практика и появилась новая трехчасовая «стража», отличная от вавилонской, «размером» в четыре «косых» часа.

3. Забвение действительной основы богослужебного цикла каждодневных служб, каковой является система «косых» часов, обусловлено рядом причин:

а) сменой парадигмы измерения суточного времени часом. По-видимому, в связи с развитием экспериментальной науки Нового времени возникла необходимость измерения времени единицами постоянной длительности. Инструменты, отмеряющие «равноденственный» час и его доли (минуты и секунды), постепенно получили распространение и в быту. В конце концов «косой» час уступил место «равноденственному». Современному человеку, который привык к постоянному часу в 60 мин, непросто разобраться во временной природе богослужебного суточного круга. Он может осознать, что она (природа цикла) до конца не объяснима на основе привычного (постоянного) часа. При этом – понять, не ведая о фактической основе церковного круга служб – «косом» часе, что службы-«Часы» носят символический смысл. Но так и не узнать о скрывающемся за этим смыслом былой повседневности «косых» часов, которую службы-«Часы» некогда выражали, а теперь лишь отражают «в снятом виде».

Постепенный переход на общественное часомерие с постоянным часом (в 60 мин) в России начался в XVI в. С тех пор прошла примерно половина тысячелетия, поэтому было достаточно времени, чтобы увериться в символическом (не реальном) основании церковного суточного цикла служб;

б) общим снижением в средневековой Европе культуры часомерия по сравнению с античностью. Это проявилось, например, в неточных, приблизительных трактовках названий «канонических часов» типа *tertia* – «часы до полдня». А также в утрате солнечными часами разметки для всех 12-ти «косых» часов, как например, на циферблате 1060 г. Киркдельской церкви (рис. 5). Указанный фактор в большей степени «работал» в Западной Европе. Но он также мог проявляться и на Руси, где использовался приближенный способ для определения «косых» часов по длине тени стоящего человека (22). Стационарные же церковные солнечные часы практически не были известны.

Таким образом, если учесть и фактор невысокой культуры часомерия, то еще более закономерным будет вывод о достаточной вероятности символического восприятия суточного богослужения на Руси. Это могло произойти в связи с утратой общественным сознанием «памяти» об обусловленности круга церковных служб системой «косых» часов.

4. Рассмотренный случай оценки богослужебных «Часов» через символический «родовой» признак по «стражам» служит примером отказа от изучения явления в историческом контексте под влиянием «отвлекающих» факторов. Этот случай приводит к вопросу: не преувеличена ли в науке символичность средневековой культуры?

Символизм, конечно, в значительной степени присущ древней и средневековой культуре. Но каждый случай его проявления необходимо научно обосновывать. Нельзя исключать такую возможность, когда факты, которые в средневековую пору были повседневной реальностью, современному человеку, живущему в принципиально ином информационном пространстве, теперь кажутся символическими, лишеными былого конкретного смысла.

Библиографический список

1. **Пентковский А.М.** Календарные таблицы в русских рукописях XIV-XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Часть 1.

2. **Арранц М.** Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам Византийского Евхология / ЛДА. Л., 1979.

3. **Рубан Ю.И.** Как молились в Древней Руси? // Россия в IX-XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сб. статей и тез. докл. вторых чт., посвящ. памяти А.А. Зимина. М., 1999.

4. *Повесть временных лет.* М.; Л., 1950. Часть 1.

5. **Зализняк А.А., Янин В.Л.** Новгородская псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2001, № 1.

6. **Миронова Т.Л.** Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X-XI вв. М., 2001.

7. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.

8. *Астрологический словарь* / Авт.-сост. С.Ю. Головин. Минск, 1998.

9. *Словарь античности* / Пер. с нем. М., 1989.

10. **Пипуныров В.Н.** История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982.

11. **Витрувий.** Десять книг об архитектуре. М., 1936. Книга 9-я посвящена устройству часов.

12. **Щавелева Н.И.** «Астрологическое зеркало» в молитвеннике XI в. // Историко-астрономические исследования. М., 1994. Вып. 24.

13. *Российская Национальная Библиотека*, Кирилло-Белозерское собрание, № XII, рукопись 1-й четверти XV в.

14. **Прохоров Г.М.** Книги Кирилла Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР (ТОДРЛ). Л., 1981. Том 36. С. 66; **Симонов Р.А.** Русская астрологическая книжность (XI - первая четверть XVIII века). М., 1998. С. 17.

15. **Соболевский А.И.** Переводная литература Московской Руси XIV - XVII веков. СПб., 1903. С. 139.

16. *Российская Государственная Библиотека*, фонд 198, № 321, рукопись XVI в. Л. 1235 об. - 1244 об.

17. **Тихонравов Н.** Памятники отреченной литературы. М., 1863. Том 2.

18. **Колесов В.В.** Домострой. М., 1990.

19. **Турилов А.А., Чернецов А.В.** Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ, Л., 1985. Том 40.

20. **Сперанский М.** «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. София, 1932, кн. 1.

21. **Журавель А.С., Симонов Р.А.** Исследование летописного свидетельства 1033 г. о «косом» часе // Информационная свобода и информационная безопасность: Материалы международной научной конференции. Краснодар, 2001.

22. **Симонов Р.А.** Сведения о древнерусском способе измерения часов // Вестник Литературного института. М., 2001, № 1. С. 164- 166; **Симонов Р.А.** Текст XV в. об измерении времени часами на Руси // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщ. XIII науч. конф. В честь Е.И. Каменцевой / РГГУ. М., 2001. С. 112-114.

Рис. 1. Древнеегипетские солнечные часы XIII в. до РХ.

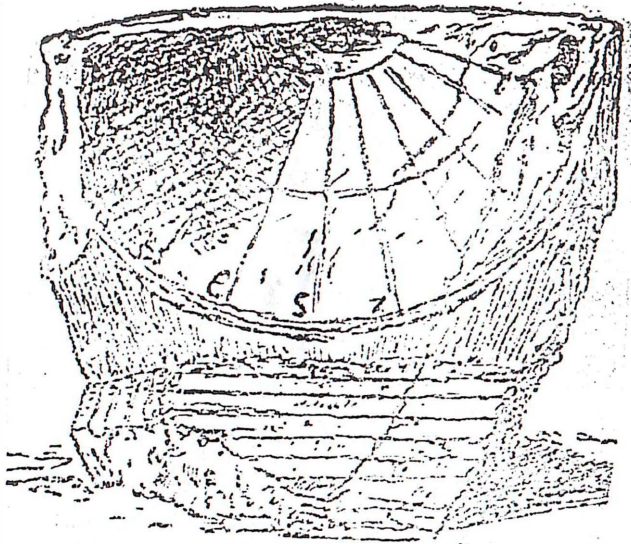

Рис. 2. Древнегреческие солнечные часы (Британский музей).

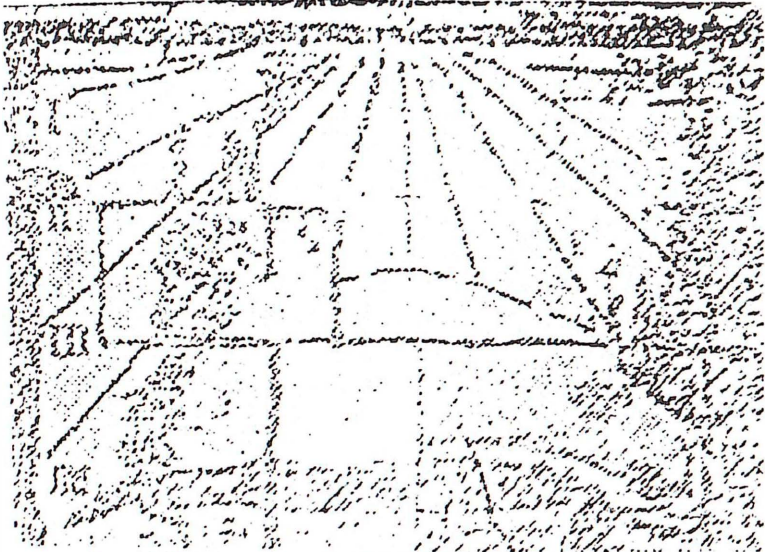

Рис. 3. Древнеримские солнечные часы I в. до РХ.

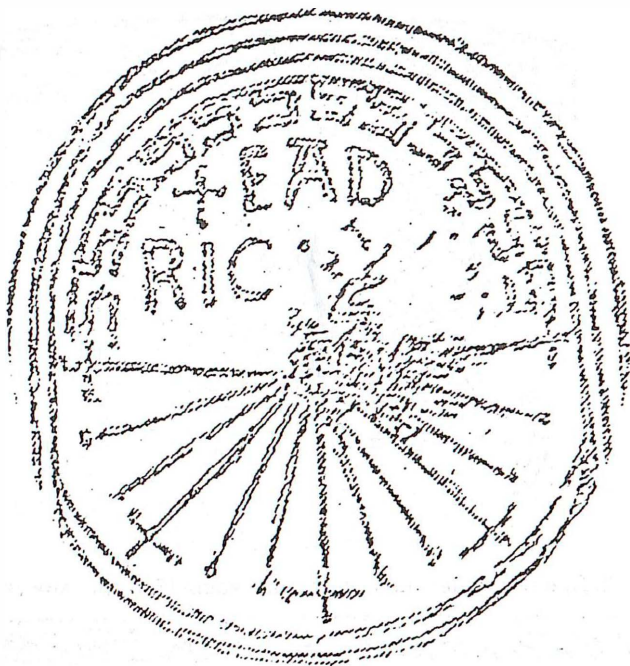

Рис. 4. Солнечные часы VII в. Бишонстонской церкви (Англия).

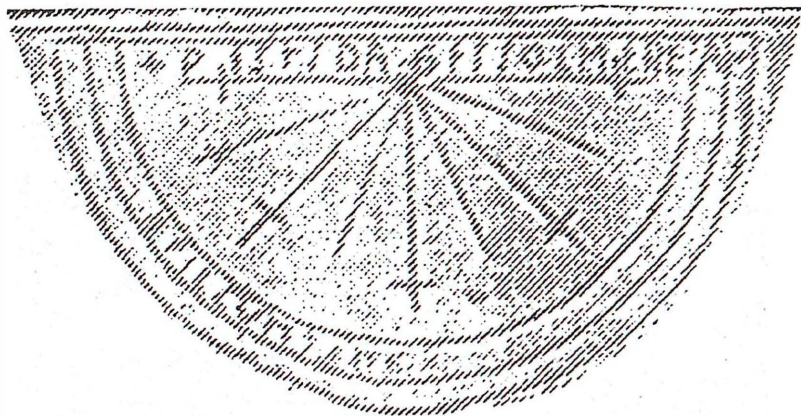

Рис. 5. Солнечные часы 1060 г. Киркдельской церкви (Англия).